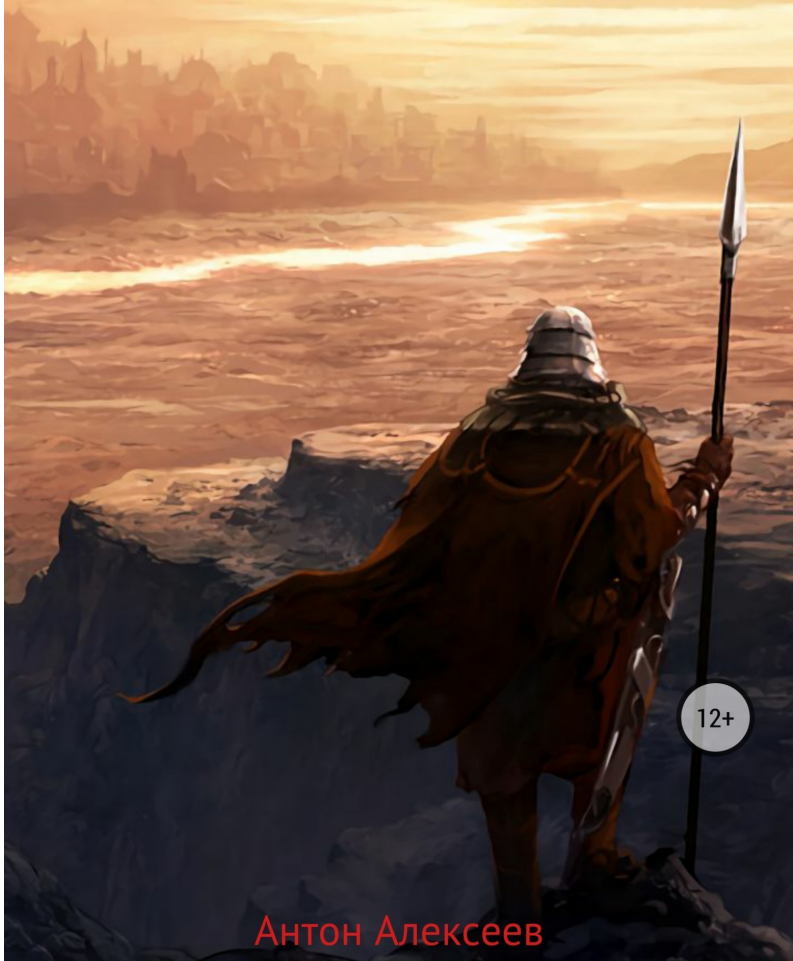

Рыцарь с земляничной тропы

12+

Антон Алексеев

Антон Александрович Алексеев

Рыцарь с земляничной тропы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33849318

SelfPub; 2018

Аннотация

Начнем мы с трепета в глазах, продолжим нервом расправляющихся крыльев. Случится ныне жизни беззаботной крах, когда уютный мир по ветру разнесётся вместе с пылью. Готов к свершениям юный баловень судьбы. Ты задержался здесь вполне! Не поддавайся же слезотечению! Лети, как прежде не летал, забудь, что раньше ты не забывал, и если нить тоски вдруг возвратит тебя назад, то ты пропал. Срывайся в мир, проверь, что упокоилось за горизонтом. Лети же соколиная душа! И он взлетел!

В оформлении обложки использована фотография с сайта <https://wallhere.com> по лицензии СС0.

Однажды, какой-то там Бог умудрился сказать,
Что чернильного вина с избытком сыщется,
Но лишь в один единственный день,
Оно откровение принесет.
Правда вот, в который день, не сказал.
Так будем же пить каждый день,
Чтобы не пропустить тот день.

Рыцарь с земляничной тропы.

*Начнем мы с трепета в глазах, продолжим нервом
расправляющихся крыльев. Случится ныне жизни без-
заботной крах, когда уютный мир по ветру разнесёт-
ся вместе с пылью. Готов к свершеньям юный бало-
вень судьбы. Крепка младая кость, стремительны лихие
мысли и только лишь сомненья, что в веках прокисли,
всё держат перья в тишине. Ты задержался здесь вполне!
Не смей смотреть назад, когда потоки приютят те-
бя в решительном и страстном приключении, которое
ваяет из мальцов героев или чудовищ достойных заточе-
ния. Не поддавайся же слезоточению! Лети, как прежде
не летал, забудь, что раньше ты не забывал и если нить
тоски вдруг возвратит тебя назад, то ты пропал. Сры-*

вайся в мир, проверь, что упокоилось за горизонтом. Лети же соколиная душа!

И он взлетел!

Бросая тень к изрубленному каменному фронту, скользя в ущелье между скал, уподоблявшихся бандитскому бомонду в свирепых позах, нависавших над судьбой, любого путника кто вдруг решил идти этой тропой. Парить и взмахами срывать покой воздушного пространства, нырять или взвизгивать над нестареющей землей. И птичка вылетела из ущелья, камнем сочиненного убранства, пустившись к Пепельному полю, его одолевая вдоль. Вдоль горных гряд и необъятного размаха, вдоль человеческих дорог, всё дальше, всё не зная страха в угоду вновь рождающихся строк. А где-то там за старыми лесами шипят и пеняются бои, кричат истошно короли, вверяя пагубной войне рвать на куски людские жизни. Краснели руки тех убийц, чернели лица тех убитых, и вопли падающих ниц стелились по земле изрытой. Но это было далеко, а птичка знай себе летела. К красивым, расписным домам, где жили мастера иного дела. Крестьяне, кузнецы и рыбаки, торговцы, покорители вершин. Здесь жили люди, не ведая тоски, закатывая пир в честь каждых именин. Деревня, бережно укрытая холмами, взлелеявшая человеческий покой. Сегодня здесь останемся мы с вами, а птичку же отпустим, ведь путь её, совсем иной.

Был поздний, осенний вечер. То время, когда холод лишь подступает, боязно озираясь, и только ночью ему выпадает шанс подкрасться поближе. Вихрящийся дым затейливо вился из труб, а люди, оставив свои повседневные хлопоты, уже давно разбрелись по домам, дабы съесть вкусный ужин, побыть с семьей, а после лечь спать, отдыхая в преддверии следующего дня. На дорогах остались только стражники, размеренно раскачивающиеся в своих седлах и направляющие коней от одной развилки до другой. Всё было тихо и спокойно, за исключением недавно появившегося странного шума, периодически доносящегося со стороны Пепельного поля. Но он, как и любая тревожная весть, которой было суждено остаться вдалеке, не очень заботил местных жителей, не считая, может быть, особо притких персон. И вот одна такая персона, подпрыгивающим шагом стремительно направлялась к дому, неподалеку от которого произрастал красный дуб, деловито разбрасывающий свои листья на черную землю, превращая последнюю в вычурный, яркий ковер. Дом, где наличники окон сделаны в виде оленей и рычащих волков, а бревно вершившее кровлю украшено резной лошадью, мчавшейся в неизвестную даль.

Там внутри, под мелодию треска горящих в печке поленьев и лучин на светце, раскидывающих горсти света по углам, неподалеку от ручных жерновов в печном углу стояла женщина, ищущая на полках с кухонной утварью какую-то исключительно необходимую в данный момент вещь. На ней

был прямой, с лямками, сарафан тёмно-зелёного или даже болотного цвета, с красной тесьмой, вышитой по подолу, широкий кушак с бахромой и множеством разноцветных узоров на всем своем протяжении, и очелье, испещрённое сложным орнаментом, не дававшее волосам лезть в глаза и мешать. Сами же глаза были зелены как трава, а кудрявые волосы цвета льна, ниспадали до поясницы пышным потоком. Аккуратный носик, лебединая шея и талия, такая, что можно одной лишь ладонью объять. Сошедшая словно с картины красавица, которая встречается только во снах.

– Мам! – донеслось от входной двери. – Мам, я пришел, – прокричал вбежавший в дом мальчишка лет тринадцати, который стремглав оказавшись у стола начал жадно пить воду из кринки.

– Аквер, – обернувшись, ответила мама. – Ты чего так долго? – спросила она сына, который, по всей видимости, собирался утонуть в выливающейся воде.

– Не ругайся, мам, – ответил мальчик, оторвавшись от питья. – Мы с ребятами пытались понять, откуда доносится этот странный звук, – и он продолжил пить.

– Ах, звук! – произнесла мама, с показным удивлением, приправленным щепоткой умиления. – И что же вы выяснили?

– Толком ничего не выяснили, – отдышавшись рапортовал Аквер. – Нас стражник поймал, когда мы хотели сбегать за холмы. Но ребята говорят, что звук рождается от шагов

огромного великана. Бом, бом, – Аквер наглядно показал свое действие. – А идет он по Пепельному полю, где-то вдалеке, даже, может быть, у старого леса. Ребята думают, что у великана нога, как наша деревня, представляешь. Или погоди, – мальчик задумался. – Может быть, даже глаз у него, как наша деревня, такой он большой.

– А ты чего? – с заигрывающей улыбкой спросила мама.

– А что я? – произнес Аквер, сделав серьезный вид. – Я им, конечно же, не поверил. Нога размером с деревню, это я еще могу представить, – мальчик начал спешно снимать рубаху. – А вот глаз, это уже перебор.

– Даже так, – хихикнула мама, принимаясь складывать рубаху, взятую у сына.

Аквер стремительно высвободился из обуви и штанов, положив их, как всегда, не на то место, а затем, в несколько отточенных движений влез на полати между печью и стеной.

– Мам? – накрываясь одеялом, спросил мальчик.

– Что?

– А что ты думаешь по поводу этого звука и великана?

– Я говорила тебе не слушать рассказы твоих мальчишек, – вздохнула мама, складывая вещи Аквера на сундук. – У них языки без костей!

– Да, говорила.

– Так вот, – мама улыбнулась и тихо произнесла. – В этот раз твои приятели совершенно правы.

Аквер только и смог, что застыть с разинутым ртом.

– Великан! – повторил мальчик столь будоражащее слово. – А что если он придет сюда? Он же растопчет нас!

– Не придет, – сказала мама, присев на скамью около стола и вытащив при этом маленькую, деревянную трубку, – по крайней мере, раньше он к нам не заходил.

– Раньше?

– Раньше, – кивнула она, достав маленький мешочек с душистым табаком.

– Ты видела его, правда? Расскажи, мам. Ну, пожалуйста. Я не смогу заснуть, если не расскажешь.

Мама начала размеренно высыпать табак на стол с крайне задумчивым видом. Она вспоминает, подумал Аквер, и поэтому не стал усиленно канючить, ведь так можно было спугнуть отличную историю, а он очень хотел её услышать. Мама проверила влажность табака, тихонько смяв его, а после, убедившись в пригодности, начала засыпать табак в трубку крохотными горстями, периодически постукивая пальцем по стенке чаши для равномерного распределения. Одновременно с этим она начала говорить:

– Когда великан последний раз был в этих краях, мне было чуть больше лет, чем тебе сейчас, – чаша наполнилась до краев, и мама взяла еще одну небольшую горсть и прижала содержимое большим пальцем. – Сури! Так его зовут. Огромный! Настолько большой, что на его спине произрастает целый лес, может быть, немного меньше Заячьего, что за рекой, – еще одна небольшая горсть оказалась в маминой

руке, и она снова начала приминать табак, но уже движением по кругу, – где ваше сиятельство, – мама указала трубкой на сына, – с торчащей мордочкой из-под одеяла, умудрилось заблудиться, – подмигнула мама отпрыску.

– Ух ты, – широко раскрыв глаза, заключил Аквер, но тут же резко опомнился. – В смысле, ничего я не заблуждался, я просто долго гулял.

– Вот скажи мне, – мама отложила свое занятие на секунду, – почему другие дети не доставляют столько проблем своим матерям?

– Потому что другие матери пьют больше вина, чем ты, – резонно заметил мальчик.

– Вы только посмотрите на этого знатока житейских мудростей, – заулыбалась мама и поднесла трубку ко рту, дабы проверить тягу. – А знает ли знаток, что из этого вытекает?

– Нет, – удивился мальчик. – А что? Что из этого должно вытекать?

– Такие вот знатоки обычно помогают своим мамам заготавливать к зиме вдвое больше яблочного вина, – мама щелкнула пальцами и указательный направила прямо на сына, а затем продолжила забивать трубку.

– Ну, мам! – закатил глаза Аквер. – Ты вроде бы рассказывала про великана. А то началось тут! Вино, знатоки какие-то.

– Ладно, ладно, – хмыкнула мама и взяла лучину со светца. – Великан так великан, – она начала водить лепестком

пламени по поверхности табака, слегка потягивая воздух через трубку. – Он был огромным, как я уже говорила. Будто гора, уставшая ютиться в общем хребте, и решившая прогуляться. Кто знает, – мама пожала плечами, продолжая раскуривать трубку. – Может так оно и есть, – она сделала небольшую паузу, чтобы достать специальную топталку, но Аквер заметил кое-что еще. Он увидел, что лицо матери неожиданно стало еще лучезарнее, чем обычно. – А потом твой дедушка, – продолжила она, – взял нас, деревенских мальков, посадил на лошадей и сказал: «Ну, что соколята, поехали по грибы!» И мы поехали, – мама вздохнула, и казалось, что по её телу пробежали мурашки. – Ах! Как же там прекрасно в том лесу, вот только чтобы увидеть эту жемчужину природы нужно забраться по одной из ног гиганта, а это дело непростое. Шутка ли, больше ста метров вверх. Я помню левую ногу, – мама умело орудовала топталкой приглаживая табак, разравнивая поверхность. – Сначала Подножье, потом Выступ – клык, Косоворотка, Скользящий камень и Чихальня, – перечисляла мама значимые места скалы, – Змеиная тропа, которая спиралью обвивает ту самую ногу и только лишь в одном месте проходит сквозь скалу, где прячется Шутиха, – мама начала второй этап раскуривания, делая мягкие, плавные затяжки, чтобы тление занялось равномерно по всей поверхности. – Дальше Галерея, а после по плоской части ноги к лесу изливающейся красоты, – и она сделала первую, полноценную затяжку, выпустив красивый, вкусный клуб дыма

к потолку.

– Какие названия, – с восторгом отозвался Аквер.

– Мы придумывали их сами, – сказала мама. – Чихальня, например, называется так, из-за твоей любимой тетушки.

– Любимой? – удивился Аквер. – Она же на меня постоянно ругается.

– Но ты то её любишь, – подмигнула мама.

– Вот еще. Она меня бранит, а я должен все это пропускать мимо ушей что ли, ну уж нет.

– Так. Я кому сказала, люби свою тетку. Нечего тут родными раскидываться, не так уж и много их у нас. А у тетушки твоей просто такой характер. Ну, не умеет она без скандалов жить, что же теперь сделаешь, но это вовсе не значит, что она ненавидит тебя или ты думаешь, что все те пироги, которые ты отличным образом уминаешь все я готовлю.

– Я понял, – сказал Аквер слегка посрамленно. – И что же она натворила?

– Где? – сказала мама, выпуская очередной клуб дыма к потолку.

– На великане.

– А! На великане. Ну, да. Мы поднимались вверх по его ноге, а твоя тетка лезла как раз за нашим кузнецом. Тогда он еще не был кузнецом, а был довольно обаятельным мальчиком, не то, что сейчас.

– Так он же вроде молодой.

– Нет, – мама сделала еще одну затяжку. – Молодой кузнец

приехал в нашу деревню только четыре года назад.

– Ой. Точно. Всё, теперь я понял про кого ты.

– Вот. И он лез прямо перед твоей тетушкой. Несколько неловких движений и из-под его ноги ссыпается пыль. Порядочная горсть надо заметить, считай целая куча. И все это хозяйство прямиком на лицо твоей тетке. Она сперва кашлянула, видимо пыль попала и в рот, потом начала морщиться, а затем как чихнет!

– И что? – с трепетом спросил Аквер. – Неужели кто-то упал?

– Верно. Упала твоя тетка и еще один кроткий парнишка, который на свое удивление обнаружил, когда они повисли на страховочной веревке, что влюбился. Так твоя тетушка нашла своего мужа.

– У нее был муж?

– Эмммм, – замялась мама. – Ну, да. Был, – она улыбнулась. – Вот такие пироги. Отсюда и название – Чихальня.

– Что дальше? – не унимался Аквер.

– А дальше, – мама затянулась еще разок и выпустила несколько колец. Сначала большое, а после маленькое, которое догнало большое и пролетело сквозь него. – Дальше мы оказались в лесу, и это было нечто! Есть в нем что-то магическое, понимаешь, хотя не удивительно, учитывая, где он растет. Смешанный лес, где еловые не чурались лиственных и наоборот, а стволы их жались друг к дружке весьма близко, не разбазаривая попусту пространства. Складывалось впе-

чатление, что право находиться там, было для каждого дерева невероятной привилегией и именно поэтому они были так сплочены, чтобы чудесного места хватило на всех. Их кроны сплетались в дружеских объятьях, оставляя незначительное количество прорех, через которые пробивался солнечный свет, рождая на траве причудливые узоры, оставляя нам возможность угадывать, листва ли это или все же лошадь.

– Как с облаками, – дополнил мальчик.

– Верно, – кивнула мама. – Мы были впечатлены этим изумительным местом настолько, что сначала даже не могли сделать и шагу, боясь повредить это великолепие.

– Погоди, – остановил её Аквер. – Но как там ходить? Он горбатый или...

– Нет, он не горбатый, – сказала мама. – Сури несколько отличается от других великанов, о которых ты знаешь. Например, великаны из города Снегопадов. Помнишь, я рассказывала тебе про разводные мосты и тропу гигантов.

Аквер кивнул.

– Великаны города Снегопадов не такие огромные, даже мелкие, по сравнению с Сури, и передвигаются как люди. Сури же это, грубо говоря, ящерица, только большая. Огромное тело с лесом на спине в пятнадцать или, может быть, восемнадцать гектаров, которое балансируется массивным хвостом длиной примерно в два километра. Но забраться на него можно лишь по одной из ног, хвост для этого слишком непредсказуем, да и опускается к земле не так часто. И мы

залезли по левой задней. Собирали ягоды, искали грибы, любовались цветками диких кустарников и впитывали запахи свежести с примесью свободы. Мир оттуда казался совсем другим, – мама как-то необычно вздохнула. – А с твоим отцом мы нашли там земляничную тропинку. Вернее, нашел её он, а потом заманил меня туда горстью спелых ягод, но разве в ягодах было дело, – она слегка застыла, проводя мизинцем и безымянным пальцем по губам. – Мы были одни, а ветер подталкивал нас в спины, и случился поцелуй. Первый. Поцелуй на земляничной тропе...

– Ой! Ну, мам! – завопил Аквер. – Хватит уже.

– Ладно-ладно, – залилась смехом мама. – Мы насобирали всяких вкусностей, а затем спустились с великана и очень долго шли, возвращаясь в деревню. Сури унес нас слишком далеко, а лошади убежали домой без нас, но мы были настолько счастливы и впечатлены, что и не заметили обратного пути, – она начала легкими постукиваниями выбивать весь прогоревший табак в специальную для этого мисочку. – Так и закончилось наше приключение.

– Здорово, – восторженно пролепетал Аквер.

– Все! Теперь засыпай.

Аквер укутался в одеяло и принялся размеренно сопеть, но по его взбудораженному лбу было понятно, что это ненадолго.

– Мам? – оторвался мальчик ото сна.

– Что такое? – отозвалась мама, протирая трубку тряпи-

цей.

– А можно у тебя кое-что спросить?

– Что-то очень важное?

– Неимоверно, мам.

– Ну, тогда спрашивай коли так.

– Мы можем, – Аквер слегка замялся, – завтра с тобой, – снова пауза.

– Аквер!

– Хочу завтра съездить к великану и взобраться на него! – быстро протараторил Аквер и исчез под одеялом.

– Так! А ну-ка снова выуди голову наружу, – серьезно сказала мама.

Аквер повиновался.

– Я так понимаю, – продолжила мама, – что молодой человек уже научился лазать по горам?

– Да, – понурился, ответил мальчик.

– Отец тебе, кажется, говорил на счет самоличных восхождений.

– А что мне оставалось делать? Он то уехал, а ты постоянно в работе. Кто еще взялся бы заниматься со мной?

– Вот именно, что в работе, – мама основательно сменила тон со сказочного на деловой, как это принято у всех мам. – Лучше бы матери помог. Давай рассказывай, как на духу, когда выбирал время?

– Порой получалось, – смущенно говорил Аквер. – Ты иногда просишь меня помочь путникам и отвести их лоша-

дей на перековку, в кузню. А кузнец позволяет мне побегать, пока занимается. Там всегда несколько часов работы. И я катался к горам на его лошади. А еще, когда строим чей-нибудь дом. Вон, например, недавно совсем, строился дом на лосином холме. Я заканчивал со своей работой и меня отпускали пораньше. У них там была старая кобыла и я брал её. Ну, и так, иногда находилось время свободное по случайности.

– А снаряжение откуда?

– Наше.

– Как наше? – удивилась мама. – Наше же все на месте, – она задумалась. – Хотя погоди, – осенило маму. – Это то снаряжение, которое, якобы, украли приезжие купцы из тысячи башен. Да?

– Вообще-то я говорил не про купцов, а про подошвенных, что были при них. Но это уже не важно. Прости, что соврал, – потупился мальчик. – Но оно же все равно запасное.

– Аквер! – пригвоздила мама. – Завтра у нас будет более серьезный разговор. И взбирался, по всей видимости, тоже всегда один?

– Один, – окончательно погрузневшим голосом произнес мальчик.

– Всё! Этого достаточно Аквер. Украл снаряжение, без спросу убежал в горы, отлынивал от обязанностей.

– Не правда. Все что нужно я делал, а занимался только тогда, когда время свободное появлялось.

– Отлынивал, отлынивал! – мама погрозила пальцем. –

Это ведь были не все истории, правда? А ну-ка на меня посмотри.

Мальчик соглашаясь вздохнул.

– Вот видишь! И, кстати, какой тебе еще великан. Кто-то мне давеча обещал подлатать сети и пошить новую мерёжку.

– Я тебе и за грибами как-то раз обещал сходить в Заячий лес. Может, просто поменяем эти дни местами, – изобразив невинные глаза, сказал Аквер. – Тем более мерёжу я за один день все равно сделать не успею. А так бы взобрались бы на великана, насобирали грибов и сразу домой, к сеткам.

– Глядите, какой умный. Всё. Разговор окончен. Быстро спать.

– Понятно, – тихо пробубнил Аквер, снова укутываясь в одеяло. – То есть великана я в своей жизни так и не увижу, зато отлично рассмотрю старые, рваные сетки. Хорошо. Их ведь никто и никогда еще не видел! – Аквер изобразил восторженность. – А потом все будут рассказывать о своих приключениях, о чудесах, которые они видели, а я буду рассказывать про сетки. Отлично, – долгая пауза. – Просто замечательно!

– Так! Хорош уже, а! – проговорила мама так же собираясь спать. – Разбухтелся, как старый дед.

– Вот, – продолжил Аквер. – Уже и побухтеть нельзя. Что же дальше то будет? – спросил мальчик и немедленно получил в ответ подушкой по голове.

– Теперь подушками закидывают, – не успокаивался Ак-

вер, преисполненный размеренным бухтением. – Нет. Так жить нельзя.

– Определенно, – продолжила за него мама, забираясь на печь. – Жить без хорошей порции прута по заднице точно нельзя.

Аквер притих. Прутом по заднице получать не особенно хотелось, да и, честно говоря, подобный разговор был не очень плодотворен по части достижения желанного результата. Поэтому комнату, через несколько секунд, заволкло сонной тишиной.

Лучины на светцах были потушены, а поленья в печке уже давно перестали трещать. Мама уже практически засыпала, отвернувшись к стене, как темноту прорезал мальчишеский всхлип:

– Отец бы меня обязательно взял.

Мама смотрела в стену, её губы сжались, лоб озабоченно наморщился, а вздох стал предвестником компромисса:

– Выезжать будем рано утром, до петухов, – тихо проговорила мама. – Встанешь сам. Если проспишь, то, стало быть, никуда не поедем. Посмотрим, насколько ты хочешь увидеть своего каменного великана.

В тишине было слышно, как Аквер привстал, но слова из его уст зазвучали только через несколько мгновений:

– Спасибо, мам.

– Пожалуйста! А теперь спи.

Спустя некоторое время и сон. Четыре часа утра.

Темнота еще властвовала вокруг, когда мама Аквера спустилась с печи. Она вышла в середину комнаты и увидела умиротворенно спавшего сына под взвороченным одеялом, из-за чего одна из ног была не покрыта, а левая рука, по своему обыкновению, свешивалась с полати. Мать покачала головой, иллюстрируя этим жестом мысль о том, что она так и знала, а затем направилась к печному углу, дабы приготовить всё для завтрака. Но стоило ей только лишь отвернуться, как сноровистая, тихая тень соскользнула с полати и оказалась точно за её спиной.

– Мам! – вскрикнул Аквер позади матери, ткнув пальцами ей в спину, да так, что она взвизгнула как девчонка.

– Аквер! Засранец, – проговорила она, тяжело дыша от испуга. – Зачем же так пугать?

– А ты думала я не встану, – героически лыбился Аквер. – А я, между прочим, встал еще час назад и приготовил лошадей. Нужно что-нибудь по-быстрому покушать и можно одеваться.

– Ладно, ладно. Угомонись. Сейчас что-нибудь придумаем, – сказала мама, поворачиваясь к печному углу. – Это невозможный ребенок.

Мама достала пару тарелок, не забыв и про некоторые столовые приборы, но это, конечно же, не означало, что на полках больше не осталось ничего любопытного. Нечто очень интересное притаилось за мешочками для специй, около ступки и деревянной давилки для чеснока. Там была разде-

лочная доска, на которой неизвестный умелец изобразил то самое Пепельное поле, к коему и стоит приглядеться очень внимательно...

Проникнем сквозь, изменим сцену, размах узрим под бой копыт. Увидим, как два всадника влетают на арену, услышим, как в их жилах кровь кипит. И лента красная все вьется, крепясь к плечу, танцует на ветру. Юнец в седле, ему нейметя, так хочется начать игру.

– Аквер! Не загоняй лошадь, глупый мальчишка, – прокричала мама вслед скачущему сыну.

– Я скоро его увижу, мам. Я чувствую. Он будет уже за этим холмом.

– Береги силы лошади! Они еще понадобятся. А ну-ка перейди в рысь! Аквер, ты меня слышишь вообще?

– Да, мам! Один холм и всё. Дальше рысь.

Они проверили на себе всю необъятность Пепельного поля, всё его многообразие и вариативность форм. Они мчались по холмам или огибали их, прорывались сквозь перелески или увиливали от них, форсировали овраги или скакали прямо по ним в поисках легкого подъема, когда те были слишком широки и отвесны. Буйная скачка на беду лошадей, пока всё наконец не подошло к концу, ведь предчувствие мальчика не подвело его.

Всадники въехали на холм и застыли, как вкопанные. Живая картина с невысказанной мощью, и так близко, что учащается пульс. Их взгляд стрелой летел к колоссу, размеренно

вышагивающему подле старого леса. Поступь гиганта доносила легкая вибрация по земле, а дальше через ноги к телу, и до самого сердца.

– Мам, это он! Сури! – возбужденным голосом повторил имя великана мальчик, и глаза его наполнились ворохом звезд, нагло воруя первенство блеска у звезд настоящих, что начали посрамленно угасать.

– Да сынок, это он, – она ответила тихо.

Потому что нельзя губить такие моменты громкими словами. Потому что голос восхищенного дыхания здесь гораздо уместнее. Она смотрела на свое дитя так, как смотрела на него при первых его шагах, при первом его слове, при первом поцелуе, которым она одарила его в момент рождения. Разве можно придумать что-то лучше, чем искренний восторг своего ребенка? Нельзя. Именно поэтому она хотела запомнить эти секунды в мельчайших подробностях, не упуская ничего, от легкой слезы на своей щеке, до дрожи души, которая вела себя так, совсем не из-за шагов великана.

– Ты плачешь? – удивленно спросил Аквер, повернувшись к задумавшейся в этот момент матери.

– Ветер сильный, – улыбнулась мама. – Видишь, как твоя лента колышется.

– А когда у меня уже будет черная, как у тебя? – поинтересовался Аквер с серьезной миной. – Я уже хорошо езжу!

– За «хорошо езжу» ленту не получают, – снова став серьезной произнесла мама. – Вот когда перестанешь сбивать

бревна на дистанции, тогда и сделаю тебе черную ленту.

– Но мои друзья уже все с черными. И я среди них как малявка, хоть на осла садись.

– Помнится мне, как одна малявка рассказывала, что один её друг, со всего маху, улетел с лошади в канаву полную крапивы, а потом чесался всю неделю.

– А! Ну, да, – засмеялся Аквер. – Было дело.

– Черная лента конника – это не просто символ, это показатель твоего умения. Чтобы люди знали, нужно ли от тебя шарахаться на улице или можно вовсе из дома не выходить, – хмыкнула мама. – Поэтому твоя черная лента окажется на левом плече только тогда, когда ты перестанешь сбивать бревна. Ясно?

– Понятно, – вздохнул мальчик.

– Так! Слезай с седла. Будем переодеваться.

Аквер быстро спрыгнул на землю и начал распаковывать поклажу. Мама занялась тем же, но резко прервалась:

– Аквер, лови.

Мальчик выглянул из-за лошади и с трудом поймал летевшие в него ножны, которые вершила рукоять находившегося в них меча.

– Ты взяла их с собой? – удивился Аквер.

– Конечно. Они будут нужны. Позже, – мама, с заигрывающим видом, подмигнула, держа в руке свой меч. – Приладишь за спиной, но сначала обвяжись.

Аквер начал возиться со своей обвязкой пока мама скру-

пулезно раскладывала другое снаряжение на мешковину. Карабины, шлямбуры, пробойники, закладки, веревки, мешки с удобными лямками, магнезия, порошковая и жидкая, высокогорные ботинки, сплетенные лесенки, оттяжки, скальные крюки и молотки, блокировочные стропы, беседки с развесочными петлями, хуки для плоских скал и другое. Все это обилие инструментов постепенно начало оказываться на их телах.

– Значит, слушай, – начала мама, подтягивая нужные крепления на обвязке. – Его ходьба представляет собой парные движения. Посмотри.

Аквер оглянулся на великана и увидел один из совершаемых им шагов. Левая передняя лапа двигалась одновременно с правой задней.

– Видишь, как он двигает хвостом при шаге, – продолжила мама. – Ты можешь определить, когда начнется следующий шаг не только по своим ощущениям, но и по его хвосту. Дальше, – она начала подщелкивать оттяжки к развесочной петле. – Его шаг продолжается где-то минуты две, из них, половину времени лапа находится на весу. Поэтому у нас есть тридцать секунд, чтобы приблизиться к его левой ноге в момент, когда она становится опорной.

– А почему нельзя подъехать заранее? – спросил мальчик.

– Удар от шага скинет тебя с лошади, а её испугает, или вообще может придавить, какой-нибудь вылетевшей каменной. Мы остановимся от него где-то за сорок метров и бу-

дем ждать окончания шага на левую, – мама начала крепить закладные элементы себе на пояс. – Затем скачем к нему во весь опор уже в связке, останавливаемся у подножия, вскарабкиваемся, сколько позволит время, а дальше делаем как можно больше закладок и крепимся на самостраховку к ним, чтобы пережить шаг.

– Скачем сразу в связке?

– Непосредственно у скалы не будет времени её подготавливать.

– А если я отстану на лошади, меня же опрокинет?

– Никого не опрокидывало, а этого опрокинет. Аквер, – вздохнула мама. – Просто двигайся с моей скоростью и всё. Не волнуйся, я буду следить за тобой, так что падать не придётся. Веревку держим справа от лошади и соскакать с нее будем в ту же сторону. Главное здесь не мешкать.

Мальчик кивнул.

– Сначала работаем в голую, без страховки, свободным лазаньем. Нам нужна скорость и именно отсюда растут все наши упущения по безопасности. Искусственные точки используем только при шаге. Будет сложно, но мы сможем. На этой части скалы долго задерживаться нельзя, тем более, что выступ-клык не так далеко, а там уже можно делать все по уму. Будь внимателен, хорошие зацепы могут располагаться не очень удобно, поэтому побольше скручивайся, а таз параллельно стене лучше вообще не держи. Флэг или подворот колена, любой вид скручивания на твое усмотрение. Пом-

нишь, как они делаются?

– Да.

– Так. Дальше. Про это сказала. Про то сказала, – мама вспоминала, водя пальцами по подбородку. – Так. Промежуточных страховочных точек делаем по три, не меньше, чтобы пережить шаг.

– Говорила.

– Говорила. Ага, – мама снова задумалась. – Пока будем добираться до места будет несколько шагов, поэтому молотком по закладкам не бить, потом хрен вытащишь, не паниковать, следить за центром тяжести, побольше скручивайся, нагрузка на руки уменьшится, не будешь тратить лишних сил на равновесие.

– И это говорила.

– Ага. Хорошо. Так. Добираемся до выступа-клыка, там не так уж и далеко получается. Делаем там страховочную станцию. Я буду лидером, ты страхующим. В более высоких местах вибрации не так сильны и там мы уже придем к нормальному восхождению, а не к этой отшибленной хрени, но ничего не поделаешь, такая уж специфика. Но даже там расслабляться не стоит, это все-таки не простая гора, а движущийся объект. Нужно быть готовым ко всему.

– Ясно, мам.

– Ну, вот и молодец. Не забудь, когда будем дожидаться шага помажь руки жидким раствором, а во время восхождения используй порошок.

– Хорошо.

– Вроде бы всё, – сказала мама, пытаясь припомнить еще какой-нибудь важный аспект, но его не нашлось. – Поехали?

– Да.

Мама поцеловала сына в лоб, и всадники вновь оказались в седлах. Через несколько минут они были в исходной точке, за сорок метров от левой ноги. Они были уже в связке.

– Готов? – спросила мама, глядя на сына.

– Кажется, – сглотнув, проговорил Аквер.

– Не волнуйся, малыш. Это просто очередная скала. Легче легкого!

– Легче легкого, – повторил мальчик. – Легче легкого, – он сделал глубокий вдох, устремляя взгляд ввысь, дабы охватить им всего великана. – Легче легкого!

Шаг левой задней ноги произошел, что породило грохот грома, только вот небеса были совсем не при чём. Лошади нервничали и тут же встрепенулись при шаге, но всадники быстро осадили их.

– Вперед, – скомандовала мама.

И они погнались лошадей!

Аквер ехал чуть позади матери, копируя в точности траекторию её движения. Они добрались до великана по касательной к опустившейся ноге, а затем, каждый из них перекинул левую ногу направо, и они быстро спешили. Аквер быстро водил глазами по выступам щербатого камня прикидывая первые движения своего маршрута.

– Работаем, сынок. Держись в моем темпе. Все размеренно и четко, – быстро прокричала мама

Мальчик пошел. Три точки опоры. Либо две руки и нога, либо две ноги и рука, а свободная ищет новый зацеп. Аквер был спокоен, движения быстро продумывались в его голове. Несколько легких движений, и он уже парит над скалой легко маневрируя. Трещина, сужающаяся вниз, можно заклинить там стопу, а здесь выступ, открытый хват и двинемся дальше. Тут получилось неудобно, выходим из ситуации, подворачиваем колено и поворот таза вместе с ним, чтобы добраться свободной рукой до следующего выступа. Очередной хват, продвигаемся, а здесь не получается нормально схватится, нужно сделать флэг, чтобы не напрягать руки и держать баланс. Ага, вот и нашелся хороший зацеп. Подберемся. Снова колено и можно достать. А здесь что? Рукой неудобно, не хватает длины. Захват пяткой и всё в порядке. Аквер лез все дальше и дальше, не отставая от матери. Он взглянул вправо на длиннющий каменный хвост и понял, что сейчас нога начнет подниматься. Мальчик прибавил в скорости. Лапа великана уже практически поднялась к наивысшей точке.

– Все. Достаточно, – быстро прокричала мама. – Ставь закладки. Минимум три, понял. Вон у тебя маленькая щелка, вбей туда крюк.

– Хорошо.

Аквер достал закладку и засунул её одной рукой в рас-

щелину, проверил как держится и прикрепил к ней оттяжку. Дальше он надел еще одну оттяжку на скальный крюк и вбил его молотком, куда показывала мама. То место было чуть ниже и левее от первой закладки, а установка заняла вдвое больше времени, но карабины оттяжек все равно были близко так что сойдет. Третья закладка никак не хотела ставится, постоянно выскакивала при проверке. Аквер быстро прикрепил её к развесочной петле и взял другую, побольше, но снова не угадал. Времени уже не осталось, и мальчик плюнул на это, закрепившись на двух имеющихся.

– Ну как? – спросила мама.

– Вроде бы все.

– Три получилось?

– Нет.

– Не страшно. Теперь держись как можно крепче!

Аквер так и сделал. Произошел шаг.

БАБАХ!

Шаг был настолько мощным, что мальчика дернуло вниз и руки не выдержали. Аквер побледнел. Его взгляд пригвоздился к первой закладке. Пространство задрожало, и он увидел, как его крепление вылетает из расщелины. Ему казалось, что он падает целую вечность, а крик где-то неподалеку настолько растянулся, что стал похож на гул, но уже где-то вдалеке.

Щелчок, удар и боль в пояснице. Закладка вылетела, но крюк, располагавшийся чуть ниже, сдюжил и вернул Аквера

к жизни, словно обдав холодной водой с головы до ног. У мальчика перехватило дыхание. Он еще ни разу не падал и в глазах разлился испуг.

– Дыши сын. Все хорошо. Ты все сделал правильно и выжил, но сейчас нужно работать. Следующий шаг, помнишь. Аквер! Посмотри на меня.

Мальчик посмотрел.

– Двигайся в моем темпе! Схватись за зацеп и продолжай работать! Живо, я сказала!

И Аквер двинулся, он оттряхнул голову и снова пошел. Снял оттяжку с закладкой и закрепил на развесочной петле. Крюк вынимать не стал. Акверу показалось, что он от нервозности вбил его слишком сильно и можно было долго провозится. Поэтому он просто открепился, а дальше снова по технологии: зацеп, хват, подвернутое колено, продвижение. Работая, Аквер сразу же забыл о срыве. Он вспомнил, что находится в связке при одновременном восхождении, поэтому нужно было держать темп. Но само падение вовсе не забыло мальчика. Оно обещало вернуться к нему во снах, ведь нельзя просто так упасть, не разбиться и уползти без последствий. Слишком жирно для одного юнца.

Пережив еще один шаг великана, уже без лишних падений, они добрались до выступа-клыка. Это место было хорошей базой не только из-за того, что на нем можно было без особых проблем стоять на двух ногах, но и из-за уютной, крохотной впадины, где можно было спрятаться во вре-

мя поступи гиганта.

Аквер залез вторым и сразу же оказался в объятьях матери, которая в одно мгновение заволокла его в расщелину.

– Чуть не упал, – устало улыбнулся мальчик, смотря на маму.

– Ты не мог упасть, – сказала она, не выпуская сына из своих тисков.

– Почему?

– Потому что был бы наказан немедленно.

– Ох уж этот Аквер! – помотал головой мальчик. – Жуткий шkodник с лучшей мамой на свете.

Он положил свою голову ей на грудь, и выдохнул последние остатки своего недавнего страха, а она прошептала ему на ухо, что любит его и никогда бы не позволила сорваться. Это были те самые объятья, из которых не хочется выходить, не хочется упускать ощущение, пришедшее с ними, но мир жесток и требователен, поэтому так или иначе возвращаться в него придется если не желаешь стать каменным изваянием.

– Пить хочешь? – спросила мама.

– Да.

– Вот, держи. А я пока займусь нашими делами.

Аквер вытащил пробку из фляги, но мама взяла открытый сосуд, отхлебнула чуть-чуть, а потом вернула сыну, который с легкой укоризной посмотрел на нее.

– Чего? – удивилась мама. – Вдруг отравлено.

– А! Ну, это меняет дело, – прыснул мальчик и тоже начал

пить.

Мама начала собирать страховочную станцию. Здесь уже имелись старые шлямбуры с прошлого восхождения, но они уже были ржавые и доверия не внушали, поэтому были заложены новые. Мама закреплялась на каждом новом шлямбуре и проверяла страховку на свой вес, сбрасываясь с выступа, параллельно закрепившись за другую точку скалы. Станция прошла проверку на крепость, и можно было карабкаться вновь.

Аквер остался на выступе вторым номером, а мама полезла прокладывать путь, ставя новые закладки. Сорок метров вверх, до змеиной тропы.

– Не мешкай, если буду слетать, – сказала мама. – Тоже закрепиись на всякий случай. Выступ только выглядит безопасно, а произойти может все что угодно.

– Ясно.

Она полезла, выполняя монотонную работу. Закладка, крюк, закладка, крюк! Но монотонной, эта работа была только на первый взгляд. Из-за плавных, кошачьих движений скалолазки всё это превращалось в бенефис, на который, как и на огонь, можно было смотреть вечно. Поэзия изящных и выверенных действий. Она минула косоворотку, которая называлась так из-за характерной борозды, напоминающей разрез на рубахе с таким же названием. Дальше скользкий камень. Отрезок опасный сродни отполированному металлу. Зацепов практически нет, трение от обуви не использо-

вать и единственным решением были хуки, или, как их еще называют, небесные крюки. Мама использовала их вместе с лесенками, сплетенными из веревки, и провозилась с этим участком несколько больше чем с остальными точками, поскольку здесь нужно было выбивать пробойником специальные отверстия для тех самых хуков. Аквер смотрел во все глаза. Мама проходила чихальню, когда мальчик, наконец, перестал прятать в своих мыслях, ютившуюся там практически весь подъем от клыка дурацкую песенку, и начал тихо напевать её себе под нос, приманивая удачу, чтобы больше не было никаких падений.

Мы ползем все дальше-дальше ввысь.

Здесь камень строг, чрез боль держись.

Нам страх претит, искать пути,

И только смелость даст нам пройти.

Сердца стучали в хладе пустом,

Стенали руки, всё об одном,

То рьян и ал, огонь пылал,

И на вершине наш финал.

Аквер не знал, что эта песенка была очень старой. Настолько старой, что уже никто и не помнил, что местные скалолазы, очень давно, позаимствовали мотив, у каких-то гномов, пребывавших в деревне проездом. Коротышки любили затягивать свою песню под вечер у костра, чем собирали подле себя массу пытливых ушей. И вот так, по случай-

ности, а может быть вследствие намеренного воровства, песенка обзавелась новыми словами, которые и напевал сейчас Аквер, даже не догадываясь о столь богатой истории данной композиции.

Чихальня была пройдена без проблем, и мама оказалась на змеиной тропе, закрепившись там.

Аквер разобрал страховочную станцию и полез по маршруту матери. Сейчас страховкой ему служила уже верхняя точка, и это было несколько проще, чем вначале. Он просто карабкался, перемещаясь с одной промежуточной на другую, собирал отработанные элементы и пытался нигде не ошибиться. Нельзя сказать, что Аквер был грациозен в своем восхождении, но мальчик старался изо всех сил, чтобы походить в своих движениях на маму. Выступы сменялись расщелинами, мелкая крошка сыпалась, порой, из-под ног, руки изредка опускались в мешочек с магнизией и через некоторое время Аквер тоже достиг змеиной тропы.

– Много ерзаешь на участке, – протянув руку поднимающемуся сыну, сказала мама. – Нечего хвататься за инструменты, если держишься неуверенно.

– Ясно мам, – вздохнул Аквер.

– Не насупливайся – мама взъерошила его волосы. – Ты хорошо показал себя сегодня. Но мелкие огрехи все же есть, и они должны быть озвучены. Понимаешь?

Мальчик кивнул, а затем сел, прислонившись спиной к скале, пока мама рассказывала ему остальные недочеты. Он

слушал внимательно, но с аналогичным усердием его мысли были заняты еще и тем, что совершенно необходимо было утолить жажду. Аквер забыл, куда он запихнул свою фляжку и решил не крутиться в её поисках пока мама говорит, иначе бы он прилип еще и к лекции об уважении к конструктивной критике, которая нужна для роста. Но на его счастье проколов было не так много и своим хорошим поведением он, наконец, заслужил право припасть к фляге, переданной ему матерью, ведь свою он так не нашел. Проверка на наличие яда, присутствовала и в этот раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.